

ПИТЕР МАЙР

УПРАВЛЯЯ ПУСТОТОЙ.
РАЗМЫВАНИЕ
ЗАПАДНОЙ
ДЕМОКРАТИИ

Питер Майр

**Управляя пустотой. Размывание
западной демократии**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2013

УДК 329
ББК 66.6

Майр П.

Управляя пустотой. Размывание западной демократии /
П. Майр — «Институт экономической политики имени Е.Т.
Гайдара», 2013

ISBN 978-5-93255-539-2

Во всех сложившихся демократиях Западной Европы происходит падение явки избирателей и сокращение числа членов ведущих партий. В книге ведущего ирландского политического ученого Питера Майра (1951–2011) оценивается влияние этих изменений, которые свидетельствуют о том, что избиратели покидают политическую арену. Одновременно с этим политические элиты Европы превращаются в однородный профессиональный класс, тесно связанный с государственными институтами, которые предлагают относительную стабильность в мире таких непостоянных избирателей. «Управляя пустотой» предлагает авторитетную и острую оценку перспектив политического представительства сегодня не только в европейских демократиях, но и во всем развитом мире.

УДК 329
ББК 66.6

ISBN 978-5-93255-539-2

© Майр П., 2013
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2013

Содержание

Предисловие редактора	6
Введение	10
Демократия и безразличие	11
Безразличие и обновление	14
Переопределяя демократию	17
1. Исчезновение массового участия	19
Отстранение граждан	21
Электоральное участие	22
Волатильность избирателей	29
Лояльность партиям	32
Партийность	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Питер Майр
Управляя пустотой. Размывание
западной демократии

First published by Verso 2013

© Peter Mair 2013

Foreword © Francis Mulhern 2013

© Издательство Института Гайдара, 2019

Предисловие редактора

«Управляя пустотой» – мрачное название, выбранное Питером Майром для книги, к работе над которой он приступил по предложению издательства Verso в конце 2007 года. Еще яснее автор выразил свое беспокойство в подзаголовке: «Размывание западной демократии». Майр намеревался развить идею, высказанную им в статье в *New Left Review*, структурировав данные о снижении массового политического участия в устойчивых европейских демократиях и прослеживая процессы уклонения (withdrawal) и отстранения (disengagement) в Европейском союзе и в остальном мире. «Размывание демократии стало очень распространенным явлением, – напишет он в заявке на книгу, – явлением, оказавшимся наиболее заметным после окончания холодной войны». Оно «свойственно большинству развитых демократий и уже очевидно проявляется во многих новых посткоммунистических демократиях. В странах Европы оно сопровождается и ускоряется ростом полномочий намеренно деполитизированных институтов ЕС. Но этот процесс также выявляется за пределами Европы и особенно в Северной Америке».

В центре внимания Майра был концепт политической партии как носителя социальных интересов, как организатора гражданского участия и политического управления, в его формах, развивающихся от массовых партий эпохи всеобщего избирательного права до «картельных» партий последнего времени. Его главный тезис звучит как приговор: «Время партийных демократий прошло», – пишет он в самом начале «Введения», а с ними ушло в историю то, что ранее мы знали как демократическое правительство.

Это очень серьезное заявление даже для автора, который был известен среди коллег своей готовностью ставить большие, сложные вопросы и отвечать на них, опираясь на собственный, насыщенный и глубокий, личный опыт. Питер Майр родился 3 марта 1951 года и вырос в деревне Розес Пойнт на северо-западном побережье Ирландии. Он был младшим сыном в шотландско-ирландской протестантско-католической семье в то время, когда власти Ирландской Республики не пытались сдерживать официальный национализм и католическую церковь. Он был молодым социалистом в политическом климате, где красная угроза казалась реальной и мощной. После школы он поступил в Университетский колледж Дублина, где мы и встретились перед самым началом учебы. Его интересовали история, экономика и математика, а также английская литература, к которой он время от времени обращался для собственного удовольствия. Но политология завладела им целиком и безвозвратно, и, получив диплом по истории и политологии, он занялся тем, в чем позднее добился выдающихся успехов. Он читал лекции в университетах Лимерика и Стречклайда, Европейском университетском институте во Флоренции и Манчестере. Докторскую степень он получил в Лейдене – за исследование, вскоре обретшее репутацию образцового, – «Изменение партийной системы Ирландии» (1987) – и вернулся туда преподавать в 1990-м, в год публикации совместной со Стефано Бартолини работы «Идентичность, конкуренция и электоральная доступность», впоследствии награжденной несколькими премиями. Два года спустя в свет вышла его книга «Представительное правительство в современной Европе» (в соавторстве с Майклом Галлахером и Майклом Лэйвером), а сам он был назначен на должность профессора политических наук и сравнительной политологии. Его последним местом работы стал Европейский университетский институт, куда он пришел впервые стажером-исследователем и аспирантом в 1978 году и куда вернулся 27 лет спустя в качестве международно-признанного специалиста по политическим партиям и партийным системам, чтобы возглавить кафедру сравнительной политологии. Этот перечень институциональных аффилиаций лишь пунктирно описывает необычайно напряженную и плодотворную карьеру ученого, не упоминая другие примеры достижений и заслуг из его богатого резюме:

редакторские должности, административные позиции, приглашения в различные университеты, на инаугурационные и открытые лекции – и, не в последнюю очередь, глубокое и искреннее уважение со стороны коллег и студентов. Помимо этого, однако, он дает представление об истории его личной миграции. Не просто путешествий, вполне ожидаемых от любого достаточно успешного академического ученого, – посещения конференций, чтения гостевых лекций (хотя их тоже было в достатке), – но миграции как опыта постоянного и многократного переселения, личной переориентации в новых культурных и социальных условиях. Родители Питера бывали в далеких странах во время службы в вооруженных силах Соединенного Королевства: отец-шотландец служил в Британской индийской армии; он встретил свою будущую жену, военную медсестру, в Северной Африке и в конечном счете обосновался с ней в Ирландии. Их сын с готовностью путешествовал и устраивался везде легче, чем большинство из нас, строя карьеру за границей с двадцатипятилетнего возраста и прожив немалое время в пяти европейских странах. Сын Ирландии и Шотландии, Питер гордился своим смешанным происхождением, и шотландское слово *outwith*, которое он привез из Глазго и незаменимость и непереводаемость которого сразу же оценил, оставалось с ним как личный талисман на протяжении всех переездов. Большую часть своей взрослой жизни – пятнадцать лет (после первой поездки в Италию и потом шесть лет в Англии) – он провел в Нидерландах; этот период был самым значимым в его личной жизни: там он женился и обзавелся детьми. Италия, куда семья переехала в 2005 году, стала для него домом несколько иного рода, наравне с Ирландией являясь страной постоянного места работы, где с самых первых дней приезжавшие в гости друзья поражались его способности сочетать в себе прошлый культурный опыт и спокойное принятие новых условий. Терпение и любознательность были, несомненно, определяющими чертами интеллектуального таланта Питера и подарком для тех, кто имел удовольствие учиться и работать с ним. Почерпнутый им из компаративизма метод рационального постижения мира всегда присутствовал в его личной жизни как этос, как важнейший принцип бытия.

Вместе с тем Ирландия оставалась важнейшей частью жизни Питера. Он часто возвращался туда, чтобы провести отпуск с семьей. Ирландская литература всегда была важна для него: в его эклектичный личный канон, наряду с Чандлером, Воннегутом, Лоджем, входили Хини и Флэнн О'Брайен, другие авторы, связанные с его родным регионом, а также великолепный Йейтс и Джон Макгаэрн. Страна сама по себе занимала особое место среди его академических интересов, и он поддерживал активные рабочие отношения с кафедрой, на которой учился в Университетском колледже Дублина. Конечно, его причастность к ирландской политике никогда не ограничивалась чисто научным интересом. Питер был активным участником борьбы, расколовшей левое студенчество в 1970-х годах, в том числе связанной с кризисом в Северной Ирландии после Кровавого воскресенья и с перспективами вступления Ирландии в Европейское экономическое сообщество. Все это время он был активным журналистом, и подготовка статей для газет и неакадемических журналов (как бумажных, так и в последнее время сетевых) оставалась важной частью его интеллектуальной деятельности в Ирландии, где он писал для *Irish Times* и *Magill*, и в других странах проживания – Великобритании (*New Left Review*, *London Review of Books*, *Independent*), Нидерландах (*Beleid en Maatschappij*) и Италии (*Reset*). В его выступлениях все яснее просматривался тезис о необходимости народно-демократической реформы в странах ЕС – в первую очередь, возможно, в Ирландии, где он выступал на общественных мероприятиях и являлся советником группы давления *We the Citizens*, призывающей к реформе политической системы Ирландии – и основных политических институтов самого ЕС. Его книга «Управляя пустотой» призвана синтезировать результаты многолетней научной и экспертной работы по этой проблеме.

В течение нескольких лет работа над книгой постепенно продвигалась вперед – как непосредственно в форме черновиков отдельных глав, заполняющих композиционную структуру

книги, так и опосредованно, в виде научных статей, во многом пересекающихся с содержанием книги, но 15 августа 2011 года во время отпуска в Ирландии Питер Майр скорпостижно скончался. Ему было всего 60 лет. Представленный здесь текст объединяет все наработки, которые он оставил нам за шесть последних лет своей жизни, в попытке сделать целостную, хотя и неизбежно неполную версию задуманной им книги, передавая его моральные напутствия и научные размышления о перспективах демократии сегодня. Работа скажет все сама за себя; цель этого предисловия – просто объяснить читателям, как оставленные Питером наброски были объединены в единый текст.

Из четырех текстов, которые нам удалось собрать, первым и наиболее пространным стала неполная рукопись книги, которую он готовил для издательства Verso. Это целостный массив текста объемом в 77 страниц, отмеченный как черновик. Он приводится здесь в том виде, в котором его оставил Питер, с некоторыми редакторскими правками – это «Введение» и главы 1, 2 и 3. Текст был подвергнут обычной редакторской правке, некоторые определения картельной партии взяты из подготовительных материалов к другой книге – «Демократия и картеллизация политических партий», над которой Питер работал в соавторстве с Ричардом С. Кацем.

Три других текста заимствованы из ранее опубликованных работ: «Popular Democracy and the European Union Polity», European Governance Papers C-05–03, May 2005; «Political Opposition and the European Union», Government and Opposition, 42:1, 2007; «Smaghi vs. the Parties: Representative Government and Institutional Constraints», Conference on Democracy in Straitjackets: Politics in an Age of Permanent Austerity, Ringberg Castle, Munich, March 2011. Первый текст очень убедительно восполняет важный недостающий элемент черновых набросков – обсуждение политических институтов Европейского союза, в отличие от внутринациональной политики, которая служит предметом обсуждения первых трех глав. Оставшиеся две статьи по разным причинам не подходят для полноценного использования: одна из них во многом дублирует содержание статьи 2005 года, другая написана на основании детализированного, ограниченного по времени кейс-стади и не согласуется с обобщающим характером всей книги. Тем не менее было ясно, что обе публикации способны компенсировать второй прискорбный недостаток – отсутствие в рукописи полноценного исследования популистской оппозиции в развитых демократических странах. Согласно первому оглавлению «Управляя пустотой», этому вопросу в книге должна была быть посвящена отдельная глава, хотя он, конечно, и поднимался в более ранних статьях. Поэтому я взял на себя смелость перенести подходящие по смыслу абзацы из данных статей в основной текст, посвященный европейской политической системе, который после стандартной редакторской правки и некоторой корректировки структуры лег в основу главы 4. Все это подробно оговаривается в примечаниях к соответствующим местам в тексте.

Таким образом, книга в ее окончательном виде соответствует по содержанию пяти (из семи первоначально запланированных) главам, а также отсутствовавшее в черновике «Введение», посвященное кризису партийности как формы правительства. Главы, в которых говорилось о развитых демократиях за пределами Европы, в первую очередь в США, и ретроспективная глава о «беспартийной демократии» утрачены безвозвратно. У нас имеются многочисленные прямые и косвенные свидетельства относительно того, что Питер Майр мог бы сказать по первой из этих проблем, но реконструкция его позиции по второй – непростая задача. «Управляя пустотой» в том виде, в каком мы смогли ее воссоздать, посвящена только Европе, главным образом устойчивым демократиям в ее западной части, и наднациональной политической системе Европейского союза, однако она предлагает довольно широкий взгляд на политику в целом, словно воспроизводя классическое предупреждение: *De te fabula narratur?* («Не твоя ли это история?»)

Два редакторских вмешательства требуют особого упоминания. Во-первых, мы решили дополнить текст главы 4 парой таблиц с данными по электоральным результатам западноевро-

пейской популистской оппозиции за последние тридцать с лишним лет. В данном случае это обусловлено желанием восполнить недостаток полноценного обсуждения указанной политической проблемы, одновременно избегая введения оценочных суждений в написанный текст. Во-вторых, техническая правка, касающаяся научного аппарата. В черновом наброске были проставлены сноски, однако он оказался, по понятным причинам, не оформлен библиографически. Полный библиографический список составлен нами из трех уже опубликованных текстов. Этим занималась Камиль Бедок, исследовательница из Европейского университетского института, за что я выражаю ей свою искреннюю признательность.

Я также выражаю благодарность Дику Кацу, любезно позволившему использовать черновой материал книги «Демократия и картелизация политических партий», над которой он продолжает работать в настоящий момент. Но более всего я признателен Карин Тилманс, супруге Питера, за ее помощь и поддержку.

Френсис Молхерн

Введение

Тессе, Джонсу и Кэтлин, «дивному новому миру»...

ЭПОХА партийных демократий прошла. Несмотря на то что партии сами по себе продолжают работать, они настолько потеряли связь с обществом и участвуют в настолько бессодержательной конкуренции, что уже не способны обеспечить сохранение демократии в ее нынешнем виде. «Управляя пустотой» – книга об этой проблеме. Она посвящена проблеме партий, правительств и политического представительства в современной европейской демократии и выводит нас на более широкий круг проблем, связанных с политическим кризисом массовых демократий. Она рассматривает, как изменяющийся характер политических партий влияет на их работу, легитимность, эффективность и, в свою очередь, на работу, легитимность и эффективность современной демократии. Хотя основное внимание в книге мы уделяем Европе и рассматриваемые проблемы будут иметь непосредственное отношение именно к ней, выявленные тенденции наблюдаются, конечно, не только там.

На идеи, изложенные в этой книге, большое влияние оказала работа Э. Э. Шаттшнайдера «Полусуверенный народ» (1960), в которой утверждается, что контроль над принятием политических решений порой недостижим для обычных граждан. Этот тезис был популярен в политической науке 1960-х годов, когда его по-разному обосновывали и оспаривали различные исследователи в рамках так называемого *спора элитистов и плюралистов*. И хотя сейчас эта дискуссия ведется не так активно, тезис Шаттшнайдера по-прежнему остается актуальным и даже более злободневным, чем когда-либо прежде. Действительно, почти полвека спустя кажется, что от нас ускользает даже полусуверенность, и народ, или обычные граждане, становится полностью *несуверенным*. Мы наблюдаем возникновение новой формы демократии, лишенной своего главного компонента – демократии без демоса.

В книге предпринята попытка показать, что происходящее во многом связано с недостатками современных политических партий. Я не утверждаю, конечно, что сегодня не работает вся система представительства. Скорее, мне хотелось бы привлечь внимание к разворачивающемуся на наших глазах процессу деградации партии, к которой демократия стремится адаптироваться, но вместо этого возникает циклический процесс, где с каждым новым кругом партии становятся все слабее, а демократия – все более ограниченной.

Демократия и безразличие

Первоначально понятие несuverенности я связывал в первую очередь с безразличием – безразличием к политике, с одной стороны, и безразличием к демократии – с другой. Безразличие всегда было одним из наименее исследованных элементов взаимосвязи между гражданами и политической системой, и его важность, казалось, сильно недооценивалась в литературе по политическому доверию и недоверию, появившейся в конце 1990-х годов. С моей точки зрения, реальная проблема была связана не с доверием как таковым, по крайней мере не с общественным недоверием к политикам и правительству. Скорее, речь шла об отсутствии интереса: чувство враждебности, испытываемое некоторыми гражданами к политическому классу, оказалось в итоге менее важным, чем равнодушие, с которым еще большая часть общества относилась к политике в целом. Иными словами, любовь или нелюбовь к политикам, доверие или недоверие к ним, похоже, были куда менее важной проблемой, чем то, какое влияние они оказывали на реальную жизнь граждан. Конечно, грань между равнодушием и враждебностью не всегда бывает выражена явно и, как однажды верно заметил Алексис де Токвиль по поводу старой французской аристократии, к тем, кто продолжает отстаивать свои привилегии на основании тех обязанностей, которые они более не выполняют, очень легко возникает презрение. Но даже если безразличие приводит к враждебности или недоверию, оно остается важным явлением само по себе, и, следовательно, важно признать, что, с точки зрения обычных граждан, политическая система и профессиональные политики могут казаться просто бесполезными (подробнее см.: Van Deth, 2000).

Безразличие к политике и политикам было не только практической проблемой, ограниченной областью массовой культуры и ее ценностями и установками. Оно усугублялось новой риторикой, взятой на вооружение политиками 1990-х годов, а также усилением антиполитических настроений, которые подробно анализировались в литературе по выработке политики, институциональным реформам и управлению. В этой риторике политический процесс тоже оказывался никчемным и бессмысленным, что только усугубляло аполитичность. Наиболее очевидный пример из области реальной политики относится к Тони Блэру, который, как известно, преподносил себя как лидера вне политики и политической ангажированности. «Меня никогда на самом деле не увлекала политика, – заявил он в интервью телеканалу BBC2 30 января 2000 года, во время первого срока на посту премьер-министра. – Я так и не стал настоящим политиком. Я не чувствую себя политиком даже сейчас». Блэр изо всех сил старался разубедить нас в том, что политика реально способна решать проблемы. По его мнению, цель новой «прогрессивной» повестки дня была не в том, чтобы обеспечить принятие решений сверху, а в том, чтобы «помочь гражданам делать все самим». Политика в этом смысле была не «направляющей рукой» правительства, а синергетическим эффектом, возникающим в процессе взаимодействия «динамичных рынков» и «сильных сообществ» (Blair, 2001). В идеальном мире, казалось, политика должна довольно быстро исчерпать себя. Как сказал позже один из его близких коллег по кабинету, лорд Фалконер, «деполитизация принятия ключевых решений является жизненно важным элементом в процессе сближения власти с народом» (Flinders and Buller, 2004).

С одной стороны, это была простая популистская стратегия – апеллировать к так называемому народу, чтобы подчеркнуть радикальный разрыв с прошлым стилем управления. С другой стороны, этот подход практически идеально сочетался с принципами, которые затем легли в основу новых школ управления, и с идеей, что «общество в настоящее время может достаточно успешно управлять собой через самоорганизующиеся сети, так что любые попытки со стороны правительства вмешаться в его дела будут неэффективными и, возможно, контрпродуктивными» (Peters, 2002: 4). С этой точки зрения правительство ставится в подчиненное

и зависимое положение и больше не стремится обладать и распоряжаться властью. Значимость правительства снижается, тогда как значимость неправительственных институтов и практик растет. Говоря словами Ульриха Бека, власть уходит из Политики в политику, или, как он еще ее называет, «субполитику» (Beck, 1992: 183–36; Бек, 2000: 278–347).

Антиполитические настроения также становились все более очевидными в специализированной литературе по политическому управлению в конце 1990-х годов. В 1997 году Алан С. Блайндер опубликовал в *Foreign Affairs* знаменитую статью, в которой выразил обеспокоенность «чрезмерной политизированностью» правительства в Соединенных Штатах (Blinder, 1997). В тот момент Блайндер был почетным профессором экономики и занимал должность заместителя главы Федеральной резервной системы, так что он был весьма влиятельным участником дискуссии. Он предложил применить модель управления всеми независимыми центральными банками вообще и модель Федеральной резервной системы в частности к другим ключевым областям политики, передав принятие решений по вопросам здравоохранения, социального развития и т. п. объективным беспартийным экспертам вместо избранных политиков, которые занимались этими вопросами ранее. Согласно Блайндеру, решения, которые предлагаются политиками, часто неоптимальны, и, следовательно, роль политиков в выработке решений должна быть сведена к минимуму или по крайней мере ограничена теми сложными областями, в которых экспертного суждения недостаточно для легитимации результатов проводимой политики.

Похожие аргументы начали выдвигаться тогда и в европейском контексте. Например, в 1996 году Джандоменико Майоне призывал сначала принимать экспертные решения, а уже потом приступать к политическому процессу, поскольку этот порядок позволит учитывать в выработке политики долгосрочные интересы общества. Политики по определению работают только в краткосрочной перспективе или по крайней мере способны брать на себя только краткосрочные обязательства. Следовательно, передавая контроль над проведением политики публичным фигурам, ставящим принимаемые решения в зависимость от электорального цикла, мы рискуем получить не самые оптимальные результаты: «Дробление демократического процесса на относительно короткие периоды времени влечет за собой серьезные негативные последствия, поскольку проблемы, стоящие перед обществом, требуют долгосрочных решений». Решением, напоминающим аргументы Блайндера в поддержку модели Федеральной резервной системы, было делегирование полномочий организациям, «которые по определению не являются непосредственно подотчетными избирателям или их избранным представителям» (Majone, 1996: 10, 3).

Майоне называл эти организации, обладающие рядом преимуществ в ходе принятия решений, «немажоритарными институтами» (non-majoritarian institutions)¹. В частности, эксперты смотрелись гораздо выигрышнее в решении сложных вопросов современного творчества и технических проблем, часто смущавших или ставивших в тупик избранных политиков. Экспертное знание должно заменить менее ценный и эффективный политический опыт, так же как традиционные формы государственного контроля были заменены более сложной нормативно-правовой базой (Majone, 2003: 299). Политика сегодня девальвировалась, а потенциальный вклад самих политиков в политический процесс стал считаться неуместным или даже вредным.

¹ В этом определении, однако, есть потайное дно. Майоне (Majone, 1996: 12) приходит к понятию немажоритарных институтов, ссылаясь на лейпхартовское (Lijphart, 1984) различие мажоритарной и консенсусной демократий, и, следовательно, его идея немажоритарности по определению эквивалентна идее Лейпхарта о консенсусе. На самом деле это не так. В отличие от идеи консенсусной демократии у Лейпхарта, построенной на выборах, политических партиях и политической подотчетности, немажоритарные институты Майоне полностью деполитизированы и изъяты из избирательного и партийного процесса. И если для Лейпхарта противоположностью мажоритарной демократии является демократия консенсусная, то для Майоне – это правление экспертов, которое не является демократией в принципе.

Таким образом, к концу 1990-х годов сложилось общее мнение, что ни граждане, с одной стороны, ни политики – с другой, не заинтересованы в переоценке роли политических или партийных решений. Даже новое поколение политиков, сформированное идеологией третьего пути, казалось, готово было отойти на скамью запасных. Во всем, что касалось политики и демократического процесса в целом, экспертное рассуждение стало считаться более важным, чем политический интерес. Но в то время как различные источники действительно свидетельствуют о широком распространении безразличия к политикам и политике, они, однако, не подтверждают распространения этого безразличия на демократию как таковую. Развернувшиеся в то время дебаты по поводу конституционной реформы, проходившие как на общественных форумах, так и в научной литературе, сопровождались растущим интересом к демократии и уделяли гораздо большее, чем за предыдущие двадцать или тридцать лет, внимание тому, как демократические системы работали раньше и как они должны работать сейчас.

Демократия стояла в повестке дня в конце 1990-х и рассматривалась в качестве приоритетного направления исследований в эмпирической политологии и политической теории. О безразличии к ней не шло и речи. Уже в 1997 году, например, Дэвид Коллиер и Стивен Левицкий насчитали около 500 различных вариантов научного употребления термина, число которых – судя по тому, как академические издательства заполнили библиотеки новыми публикациями на эту тему – с того момента только увеличилось. Демократия становилась все более важной проблемой в повседневной политической дискуссии, дебаты по институциональной реформе проходили в большинстве западных стран, Всемирный банк и другие международные организации призывали к «партисипаторному управлению» (*participatory governance*), а дискуссии о реформе Европейского союза приобрели такое значение, которое едва ли можно было себе представить за десять лет до этого. Это можно было наблюдать, например, в обсуждении в 2001 году Белой книги по вопросам управления Европейской комиссией, проходившем в режиме открытости и широкого участия. К концу 1990-х годов демократия – будь то ассоциативная, делиберативная или рефлексивная; глобальная, транснациональная, или инклюзивная; электоральная, нелиберальная или даже просто христианская – стала эпицентром оживленной дискуссии. А значит, по крайней мере на уровне академической и общественной дискуссии говорить о безразличии к демократии не приходится.

Безразличие и обновление

Отсюда возникает первый вопрос. Возрождение всеобщего интереса к демократии сосуществует с тенденцией противоположного характера. В политическом дискурсе XXI века мы видим явное проявление безразличия общества к конвенциональной публичной политике и очевидное уклонение от конвенциональных форм политического участия, которое, как правило, считается необходимым для поддержания демократии. Как эти тенденции согласуются между собой?

Есть два возможных объяснения. Первое предполагает, что на самом деле эти тенденции взаимосвязаны и что растущий интеллектуальный и институциональный интерес к демократии отчасти спровоцирован ростом массового безразличия. Другими словами, дискуссии о демократии, ее значении и путях преобразования возникают в момент, когда обычные граждане начинают дистанцироваться от конвенциональных форм демократического участия. Мы пытаемся сделать демократию релевантной, когда она перестает быть таковой. И хотя временная последовательность подтверждает эту гипотезу, фактическое содержание дискуссии выглядит несколько иначе. Ведь на самом деле, вместо того чтобы стимулировать гражданское участие или повысить значимость демократии в глазах рядового гражданина, большинство дискуссий по институциональным реформам и теории демократии, казалось, предлагали набор действий, который фактически препятствовал массовому участию. Это прослеживается, например, во внимании, которое уделяется мнению стейкхолдеров (stakeholder), а не всеобщему голосованию, в дискуссиях по ассоциативной и партисипаторной демократии, а также в предпочтении, которое отдается закрытым экспертным обсуждениям в делиберативных и рефлексивных моделях демократии. Ни в одном из вариантов речь не идет об использовании конвенциональных моделей демократического участия. В том же русле формулировалась и новая идея «легитимности, ориентированной на результат», построенная на принципах эффективности, стабильности и преемственности и прозвучавшая в дискуссиях о судьбе Европейского союза, а также идея того, что демократия в ЕС должна «выйти за рамки государственных решений и, возможно, стандартных западных форм представительной либеральной демократии» (Shaw, 2000: 291). Другими словами, даже после признания проблемы массового безразличия никто не говорил о возвращении демократии широким массам. Филипп Петтит (Pettit, 2001: § 46), рассуждая об обновлении демократии в контексте делиберации и деполитизации, приходит к выводу о том, что «демократия слишком важна, чтобы предоставить ее политикам или даже народу, голосующему на референдумах». Фарид Закария (Zakaria, 2003: 248; Закария, 2004а: 274) выразил похожую точку зрения в своей известной формуле: реформы необходимы, поскольку «сегодня нам необходима такая политика, в которой демократии было бы не больше, а меньше».

Отсюда следует второе возможное объяснение: возобновление интереса к демократии и ее роли на интеллектуальном и институциональном уровнях происходит без попытки открыть демократию заново. Цель скорее состоит в таком переосмыслении демократии, которое позволяло бы к ней адаптироваться в условиях снижения всеобщего интереса и вовлеченности в политику. Вместо того чтобы бороться с отстранением от демократии, в рамках этой дискуссии мы примиряемся с ним. Другими словами, мы видим здесь распространенную попытку переопределить демократию без акцентирования идеи народного суверенитета – в крайнем случае, попытку сохранить демократическую систему без демоса в ее центре.

В ходе этого процесса «переопределения» особое значение придается различию между «конституционной» и «массовой» демократией, – различию, которое перекликается с раз-

граничением «мэдисоновской» и «популистской» демократии у Роберта Даля (Dahl, 1956)². С одной стороны, в демократии есть конституционная составляющая, которая основана на системе сдержек и противовесов и предполагает власть *для* народа. С другой стороны, в ней есть массовая составляющая, выраженная в массовой и индивидуальной вовлеченности в политику и в политическом участии, гарантирующем власть *народа*. Эти две различные функции сосуществуют и дополняют друг друга. Тем не менее, хотя они и задумывались как два элемента в единой демократической системе, со временем они распались и начали вступать в противоречие друг с другом как в теории, так и на практике. Например, в попытке описать новые режимы, возникшие после коллапса коммунистического блока в 1989 году, родились понятия *нелиберальных* или *электоральных* демократий (Diamond, 1996; Zakaria, 1997; Закария, 2004б), сочетающих свободные выборы – массовую демократию – с ограничением прав и свобод и чрезмерной концентрацией исполнительной власти, потенциально готовой к злоупотреблениям. Как показывают многочисленные исследования этих новых демократий, массовая и конституционная демократии, похоже, больше не обязательно связаны друг с другом.

Таким образом, концептуальные различия между массовой и конституционной составляющими демократии на практике оказались гораздо более важными. Развитие демократии сопровождается изменением их веса: массовая составляющая становится гораздо менее значимой, чем конституционная. От их взаимного практического отделения конституционная составляющая выиграла, а массовая – проиграла. Закария, наиболее внятный автор в этой области, считает именно конституционную, а не массовую составляющую необходимой для выживания и благополучия демократии, ведь именно в ней кроется причина феноменального успеха демократии в западном полушарии: «На протяжении значительного промежутка времени в новой и новейшей истории отличительным признаком правительств Европы и Северной Америки была не демократия, а конституционный либерализм. Лучшим выражением „западной модели“ служит не массовый плебисцит, а беспристрастный суд» (Zakaria, 1997: 27; Закария, 2004б: 59). С этой точки зрения, самым полезным для демократии институтом являются не выборы – или не выборы как таковые, а суд или, по крайней мере, сочетание судов с другими видами неэлекторального участия. В самом деле, в литературе по качеству государственного управления (*good governance*) для развивающихся стран представлена ясная формула эффективной демократии: НПО (неправительственные организации) + суды = демократия. Акценты расставляются так, что «развитие гражданского общества» считается допустимым условием, опора на правовые процедуры – необходимым, а выборы – необязательным (см. также: Chua, 2003).

Схожую логику можно наблюдать в различных подходах к конституционной реформе в странах с развитой демократией, в частности, к реформам в контексте ЕС. Здесь демократия также может быть переопределена через снижение важности массовой составляющей. Как, например, заметила Мишель Эверсон в своем обсуждении работы Майоне (Everson, 2000: 106): «Немажоритарная идея... настойчиво утверждает, что изолирование рыночного управления от политических сил служит целям демократии, поскольку защищает демократически установленные обществом цели от хищнического поведения временщиков во власти». В этом мы видим очевидное противопоставление: с одной стороны, объективно установленные обществом цели, с другой – требования временной (вследствие своей избранности) и, следовательно, хищной элиты. Первые поддерживаются сетями качественного государственного управления, вторые – грубой силой и амбициями народных избранников. Исход битвы очевиден. В других областях и в контексте других процессов мы наблюдаем, по-видимому, ту же самую историю. В своем обзоре новых способов представительства Марк Тэтчер и Алек Стоун Суит (Thatcher and Stone Sweet, 2002: 19) подчеркивают возрастающую важность «процедур-

² См. также более поздние дискуссии в: Mény and Surel, 2002; Dahl, 1999; Eisenstadt, 1999.

ной легитимности», в соответствии с которой «процесс принятия решений немажоритарными организациями оказывается лучше, чем закрытые и нередко тайные переговоры в кабинете министров и в кулуарах исполнительной власти». В этом случае преимущества прозрачности, законности и доступа для всех заинтересованных сторон (stakeholder) противопоставляются ограниченности и искажениям, связанным с партийной политикой, и считается, что они ведут к процессу, предполагающему «справедливую и демократическую замену подотчетности перед избирателями». Эта идея проявляется еще сильнее при адаптации принципов нового государственного управления к управлению политическими организациями и общественным сектором. Подотчетность здесь основывается не на мнении избирателей и требованиях общества, а на принципах экономической эффективности, беспристрастности процедур и производительности (см., напр.: Peters, 2003: 125).

Это, в свою очередь, подводит нас ко второму вопросу: если массовая составляющая демократии истощается, то почему это происходит сейчас? Другими словами, почему кризис демократии наступил спустя всего лишь десятилетие после сокрушительной «победы демократии во всем мире» (см., напр.: Hadenius, 1997), в момент, когда она была объявлена «единственной возможностью» (Linz and Stepan, 1996)? Зачем понадобилось реформировать и ограничивать то, что было признано идеальным?

На эти вопросы, разумеется, есть множество различных ответов: конец холодной волны, кризис «встроенного либерализма», задающего тенденции развития западных капиталистических экономик на протяжении тридцати лет после 1945 года³, ослабление партийного правительства, провал процессов глобализации и европеизации. Однако я сосредоточу внимание на одном из возможных объяснений и покажу, что переход от массовой к конституционной демократии и сопутствующее ему разочарование в политике и выборах были связаны с разрушением партийной системы. Иными словами, из-за кризиса партийного представительства массовая демократия перестает соответствовать возложенным на нее функциям и удовлетворять наши ожидания. Не опираясь более на партии, демократия лишается массового участия и народного контроля.

³ О понятии «встроенного либерализма» см.: Ruggie, 1982. – *Прим. ред.*

Переопределяя демократию

За 20 лет до публикации «Полусуверенного народа» Шаттшнайдер предположил, что демократии без партий не существует. С этой идеи начинается его работа «Партийное правительство» (Schattschneider, 1942: 1), и вступительный абзац из нее стоит того, чтобы процитировать его полностью:

Несомненно, отличительной чертой современного правительства является его партийная структура. Именно партии сыграли ключевую роль в процессе управления, в формировании демократического правительства. Мы должны с самого начала четко зафиксировать: именно политические партии являются гарантами демократии, современная форма которой немыслима вне партийной системы. Как известно, качество партий является лучшим показателем природы режима. Водораздел современной политической философии, проходящий между демократией и диктатурой, лучше всего выражается в партийной политике. Таким образом, партии – это не аппендикс современного правительства, а его центральная, определяющая и наиболее творческая часть.

Как и во всех сочинениях того времени, массовые и конституционные составляющие демократии здесь не разделяются; под демократией понимается как система сдержек и противовесов, так и выборы, мандаты, подотчетность и представительство. Именно это всеобъемлющее понятие демократии легло в основу анализа Шаттшнайдера и привело его к выводам, на которые потом будут ссылаться все эксперты по партийной политике. Например, к тому, что, несмотря на все проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются политические партии, они будут существовать, пока будет существовать демократия. Подобная логика может быть найдена у Рассела Далтона и Мартина Ваттенберга, которые предлагают читателям «помыслить немыслимое у Шаттшнайдера», крах партий, и вдохновенно доказывают, что «все так же сложно представить себе национальное правительство, работающее без политических партий, которые играют важнейшую роль в разнообразных политических процессах» (Dalton and Wattenberg, 2000: 275). Но если мы выделим различные компоненты демократии и доведем исходную посылку Шаттшнайдера до логического завершения, выводы будут другими. Под логикой Шаттшнайдера обычно понимается то, что демократия и партии взаимно сохраняют друг друга и крах одного вызовет разрушение другого, или, пользуясь терминологией Далтона и Ваттенберга, партийный кризис может вызвать, как минимум, кризис современного (представительного) правительства. Если демократия (или представительное правление) немыслима вне партий, то, возможно, с их исчезновением она действительно становится неспособной.

Без партий, следуя аргументу Шаттшнайдера, мы остаемся либо без реальной демократии, либо без реального представительного правления, либо с урезанным вариантом демократии, лишенной своей массовой составляющей, поскольку именно эта часть наиболее зависит от партий. В результате получаем редуцированную версию конституционной демократии мэдисоновского образца, либо постмассовую демократию по типу республиканской политики Петтита (Pettit, 1998: 303), либо концепции современного управления в духе «участия заинтересованных сторон» (stakeholder) и «эффективного решения проблем» (Kohler-Koch, 2005). Эти варианты политической организации вполне можно помыслить, но в них именно массовая составляющая практически сходит на нет и ни выборы, ни партии не сохраняют своего привилегированного статуса.

Когда демократия в понимании Шаттшнайдера становится «немыслимой», начинают доминировать иные ее формы. Следовательно, современная дискуссия о демократическом обновлении, представленная как теоретиками, так и практиками вроде Эми Чуа и Фарида Закария, сводится к поиску новых институциональных форм демократии. Большинство подходов сходится на следующих требованиях: во-первых, демократия должна работать; во-вторых, восприниматься легитимной; в-третьих, не опираться более на народный контроль или массовую подотчетность.

Проясню, что я понимаю под отсутствием или кризисом партий. Во-первых, очевидно, что партии все менее успешно привлекают обычных граждан, голосующих пассивнее, чем раньше, все менее успешно вовлекают их в политику и поддерживают их партийную преданность, выраженную в самоидентификации с партией и в формальном членстве. Граждане в этом смысле уклоняются, самоизолируются (*withdrawing*) от конвенциональных форм политического участия. Во-вторых, партии уже не могут адекватно поддерживать статус своих лидеров, предпочитающих опираться на другие политические институты и извлекать из них политические ресурсы. Опираясь на партии, лидеры используют их как проходную ступень для занятия других политических позиций. Партии деградируют в результате взаимного процесса уклонения или отказа от участия, в результате которого граждане возвращаются в частную жизнь или выбирают специфические, часто возникающие *ad hoc* формы представительства; лидеры оставляют свои партии, переориентируясь на другие институты, с помощью которых им легче исполнять свои функции управляющего или госслужащего. Партии терпят неудачу, так как их функциональное пространство – традиционный мир партийной демократии, где граждане поддерживали политических лидеров и отождествляли себя с ними – в настоящее время опустело.

1. Исчезновение массового участия

В ЭТОЙ главе я сосредоточусь на доказательстве массового уклонения и отстранения от традиционной политики и проанализирую опустошение того пространства, в котором должно было бы наиболее активно развиваться взаимодействие между гражданами и их политическими представителями. Этот процесс уже достаточно подробно описан и изучен как в научной литературе, так и в экспертных комментариях. В них, однако, часто игнорируется, насколько распространенным и всеохватным стал этот процесс. Более того, не все аспекты массового уклонения были одинаково кропотливо рассмотрены, в связи с чем полный диапазон изменений не подвергался глубокому и качественному анализу. В этой главе, компенсируя данные упущения, мы продемонстрируем всю широту и разнообразие способов отстранения от политики вне зависимости от их распространенности. Здесь и далее я предполагаю, что уклонение и отстранение являются показателями растущего безразличия к политике – точнее, к публичной Политике с большой буквы, но не обязательно к субполитике по Беку (Beck, 1992; Бек, 2000)⁴. Я также хотел бы указать на двусторонний характер этого безразличия, проявляющегося по обе стороны демократической связи. Мне крайне важно эмпирически доказать, что безразличие присуще как гражданам, так и профессиональным политикам: они уклоняются и отделяются друг от друга и усугубляют опустошение пространства их взаимодействия.

Партийная демократия, которая, как правило, связывает друг с другом граждан и политических лидеров и дает им платформу для участия, в настоящее время ослабевает; из-за этого выборы и избирательные кампании приобретают в современном демократическом устройстве больше ритуальные, чем практические функции (Katz and Mair, 1995: 22)⁵. Это ослабление выражается, с одной стороны, в уклонении граждан от активного участия и преданности традиционной политике, а с другой – в уходе политических лидеров в иные институциональные сферы. Отметим сразу же две важнейшие особенности этого процесса. Во-первых, с точки зрения политики на местах, увеличивающийся разрыв между правителями и управляемыми способствовал росту числа популистских требований, ставших в настоящее время особенностью многих развитых европейских демократий: например, ультраправые Народная партия в Дании или Партия прогресса в Норвегии, Штрахе в Австрии и Вилдерс в Нидерландах, Де Винтер во Фландрии и Ле Пен во Франции, а также Блохер в Швейцарии и Босси в Италии. Каждый из этих вызовов политическому мейнстриму имеет свои национально-специфические идеи, предложения и интересы, часто сфокусированные вокруг распространенного чувства ксенофобии, расизма и защиты культуры и обычно возникающие на правом крыле политического спектра (Mudde, 2008). Но каждый из них также отмечен общей и довольно явной враждебностью к тому, что в соответствующих странах считается национальной политической элитой. Другими словами, я утверждаю, что из-за разрыва, возникшего в результате взаимного уклонения, впервые в послевоенной политической истории политический класс сам по себе стал политической проблемой в ряде демократических стран.

Вторая особенность – частично причина, частично следствие отчуждения – проявляется в такой тенденции публичной политики, как поддержка и легитимация неполитических или деполитизированных способов принятия решений.

⁴ Хотя, действительно, для некоторых авторов, в том числе Бека, уклонение от Политики с большой буквы часто дополняется за счет более активного участия в «субполитике». Отметим также предположение В. Ланс Беннета (Lance Bennett, 1998: 744) о том, что «изменения в политике связаны не со снижением уровня участия граждан, но отходом от старых форм и дополняющим его появлением новых электронных форм выражения политической заинтересованности и участия... [Г]ражданская культура не умерла; она только обрела новую идентичность и все еще может быть выявлена в современных сообщениях». Основной вопрос здесь – может ли такой перенос участия компенсировать отстранение от традиционной политики.

⁵ По поводу изначального различия между ритуальными и эффективными частями конституции см.: Bagehot, 1963: 61.

Примеры проявления этой тенденции – растущая значимость (в количественном и качественном смысле) так называемых немажоритарных институтов; растущее влияние Европейского союза как форума для принятия решений, а в более широком смысле – усиление роли других наднациональных и международных учреждений, в том числе Всемирной торговой организации и Международного валютного фонда, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и т. п.; все более часто встречающееся желание граждан и политиков искать решения проблем и ответов на претензии в судебных или квазисудебных инстанциях; а также растущее признание того, что современное государство в силу своего регулятивного (а не политического или редистрибутивного) характера имеет ограниченный диапазон возможностей.

В целом в связи с растущим ослаблением партийной демократии и выражаемым к ней безразличием со стороны обоих участников политической сцены нам остается только выбрать между альтернативными сценариями: популизмом или с виду неполитическим экспертным правлением⁶.

⁶ Иногда, как показывает голландский опыт Пима Фортейна, оба сценария реализуются одновременно. Мы получаем популистского политического лидера по типу профессора Фортейна, поддержанного группой предполагаемых экспертов с практическим опытом в управлении различными областями политики, чья цель заключается в предложении практических решений, полученных из знаний и опыта, а не в выработке политических или идеологических предпочтений.

Отстранение граждан

Хотя беспокойство по поводу отстранения граждан от традиционной политики высказывается все чаще как в научной литературе, так и в средствах массовой информации, доказательства их уклонения все чаще подвергаются сомнению. Отрывочность наблюдений еще больше осложняет попытки увидеть явление целиком. Поэтому основной целью главы станет выделение из разнородных данных согласованной и последовательной картины, которую они отражают. Дело в том, что довольно часто эти данные или, точнее, значение этих данных подвергаются скептической оценке в связи с тем, что их различные части рассматриваются в отрыве друг от друга. Тот факт, что резкого или устойчивого снижения явки на национальных выборах не наблюдается, обычно приводят в качестве доказательства сохранения массовой приверженности традиционной политике, хотя даже небольшие изменения, которые происходят в этой связи, часто согласуются с другими свидетельствами растущего уклонения граждан от публичной политики. Другими словами, даже небольшое снижение показателей явки на выборах, рассматриваемое в контексте других эквивалентных сдвигов в политическом поведении, может означать гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

На самом деле есть две особенности, которые обычно не рассматриваются в контексте изменений европейской массовой политики. Во-первых, практически все доступные данные, сложенные вместе, свидетельствуют об одном и том же, что само по себе достаточно необычно. Как правило, при работе с данными, относящимися к массовой политике, считается нормальным и ожидаемым обнаружить взаимно противоположные тенденции, то есть, хотя один показатель может указывать в одном направлении, другой будет демонстрировать обратное направление связи. Массовая политика редко развивается согласованно, но в данном случае согласованность тенденций поразительна. Во-вторых, и это снова довольно необычно, практически все эти тенденции проявляются в данных по разным странам. В рамках сравнительных политических исследований считается нормальным проявление специфических тенденций в массовой политике нескольких стран, но почти никогда – во всех странах. Некоторые страны могут демонстрировать похожие тренды, но одни и те же сдвиги в одно и то же время не наблюдаются практически никогда. Исследуемые нами данные, однако, демонстрируют кросс-национальную конвергентность. Другими словами, эти различные тенденции не просто указывают на одно и то же, но также проявляются практически повсеместно.

Электоральное участие

О каких трендах здесь идет речь? Начнем с самого очевидного и самого непосредственного индикатора – уровня явки на национальных выборах. Учитывая все то, что говорилось об уклонении от участия в средствах массовой информации, с помощью этого индикатора можно выявить несколько наиболее ярких тенденций. В то же время этот показатель подвергается критике чаще остальных. Другими словами, хотя ожидания относительно возможного снижения уровня явки избирателей регулярно высказывались в течение нескольких последних лет, они не подтверждались доступными эмпирическими данными. Например, рассматривая данные в период с 1960-х до конца 1980-х годов, Руди Андевег (Andeweg, 1996: 150–151) отмечал, что в большинстве стран Европы флуктуации в уровне явки не имели явного направления: несмотря на снижение явки в одних странах за исследуемый тридцатилетний период, другие страны демонстрировали обратную тенденцию, в результате чего в целом по Европе уровень явки упал незначительно. Расширив выборку стран и исследуемый период, Пиппа Норрис также показала, что спад либо отсутствует, либо несущественен. В развитых постиндустриальных демократических странах явка в процентах от числа избирателей росла в течение 1950-х годов, стабилизировалась в 1960-х, 1970-х и 1980-х годах, а затем, по выражению Норрис, «скромно скользнула вниз» в 1990-х. Это легкое снижение было статистически незначимым и не выходило за рамки «безтрендовой флуктуации или стабильности» (Norris, 2002: 54–55, 67). Другая недавняя оценка от Марка Франклина (Franklin, 2002) также не дает повода для беспокойства. Франклин отметил, что, несмотря на снижение явки в развитых демократиях в конце века, изначальные значения задают очень высокая явка 1960-х годов; в добавление к этому мы наблюдаем просто краткосрочное снижение интереса к выборам, проходящим в ситуации политического спокойствия: «Явка на выборы в последние годы снизилась из-за того, что вопросы на повестке дня были гораздо менее критическими, чем в конце 1950-х годов» (Franklin, 2002: 164). По его мнению, если на выборах будут решаться более острые вопросы, явка снова может увеличиться. Но если таких вопросов не появится, что я считаю наиболее вероятным, учитывая ослабление партийной демократии, явка никогда не вернется на прежний уровень. В другом обширном и очень точном анализе Франклин (Franklin, 2004) связывает некоторое снижение явки с эффектом смены поколений: явка падает, поскольку в электоральной структуре неголосующие молодые люди заменяют активно голосующих пожилых. В этом случае причиной снижения явки становится смена поколений, а не уклонение или отстранение современных избирателей.

Какими бы ни были причины падения уровня участия, исследователи, таким образом, выражают довольно оптимистичные ожидания относительно будущего. Небольшой спад, последовавший за долгосрочной стабильностью в уровне участия, не настолько велик, чтобы стать причиной для беспокойства о здоровом функционировании современной демократии. Насколько разумен такой вывод? На беглый взгляд, особенно в отношении европейских данных, интерпретация, конечно, выглядит правдоподобно⁷. Так, в 1950–1980-х годах средний уровень явки за десятилетие в Западной Европе сначала незначительно вырос – с 84,3 % в 1950-х до 84,9 % в 1960-х, а затем незначительно упал до 83,9 % в 1970-х и до 81,7 % в 1980 году. Как уже подчеркивалось Норрис и Франклином, это резонные цифры для стабильного периода. Слабое снижение в 1980-х годах по сравнению с 1970-ми было удивительно последовательным, с тремя исключениями из пятнадцати наиболее стабильных европейских демократий: в Бельгии, где голосование является обязательным, явка немного выросла – с 92,9 до

⁷ Более детально с приведенной здесь статистикой можно ознакомиться в следующей работе, где подробно обсуждаются совокупные показатели: Mair, 2002.

93,9 % в 1980-х годах по сравнению с 1970-ми; в Норвегии, где явка увеличилась с 81,6 до 83,1 %; и в Нидерландах, где средняя явка остается более или менее неизменной. Однако в двенадцати других странах, для которых доступны долгосрочные данные, явка и в самом деле постоянно снижалась: от незначительного 1 % в Австрии до рекордного падения в 10 % во Франции. Снижение, возможно, было несущественным, если смотреть на кросс-национальные данные, но его всеобщий характер заставляет нас рассмотреть вопрос с большим вниманием.

Важно отметить, что эта тенденция начала ускоряться в 1990-х. Средняя явка по Западной Европе упала с 81,7 до 77,6 % в последнем десятилетии XX века и до 75,8 % в первом десятилетии XXI века. Надо сказать, что даже на этом уровне, являющемся самым низким за все послевоенные десятилетия, явка остается относительно высокой, и в среднем чуть больше трех четвертей национального электората проголосовали на выборах, состоявшихся в 1990-х. Эта цифра значительно превышает показатели по общенациональным выборам в Соединенных Штатах за аналогичный период. Даже с учетом того, что падение с 1980-х до 2000-х годов не превысило 6 %, поразительно наблюдать, как впервые за 50 лет всего за одно десятилетие явка по всей Европе опустилась ниже 80-процентного уровня. Здесь также наблюдается удивительная согласованность между странами, в одиннадцать из которых на рубеже веков зарегистрирован наиболее низкий в истории уровень явки. Исключением снова стала Бельгия, где средние показатели за десятилетие остаются неизменными, а самый низкий уровень явки был зафиксирован в 1960-х годах, а также Дания и Швеция с рекордно низкими показателями явки в 1950-х. Даже в этих трех случаях, однако, следует отметить, что средний уровень явки избирателей в 1990-х годах был ниже, чем в 1980-х. Четвертым исключением стала Великобритания, которая показала нестандартную явку в 1980-х. Великобритания является, пожалуй, единственной из этих пятнадцати стран, где показатели явки в 1990-х превысили показатели 1980-х, хотя после этого незначительного повышения явка упала до рекордно низких 59 % на первых выборах XXI века.

Особенно яркие результаты дает анализ резкого снижения участия в отдельных странах. В Австрии, например, где явка оставалась существенно выше 90-процентного уровня в каждом из предыдущих четырех десятилетий, падение в 1990-х годах составило почти 8 %. Точно такое же резкое снижение было зарегистрировано в Финляндии, в Германии, где число избирателей увеличилось за счет присоединения ГДР, а также в Нидерландах и Норвегии. Еще более поразительно, хотя и в долгосрочной перспективе, выглядит случай Швейцарии, где состоящий только из мужчин электорат 1950-х годов демонстрировал 69-процентную явку – выше, чем во Франции или Ирландии в 1990-х годах, а в 1990-х годах, когда женщины окончательно получили право голоса на выборах всех уровней, показывал явку в среднем менее 44 %. Другими словами, в 1990-е все больше стран демонстрировали рекордно низкое среднее значение явки, причем в некоторых случаях снижение было крайне резким.

В новом столетии падение продолжилось. Как уже отмечалось, на парламентских выборах 2001 года в Великобритании был отмечен самый низкий уровень явки за все время существования всеобщего избирательного права. Парламентские выборы 2002 года во Франции и Ирландии были также отмечены рекордно низким уровнем явки, и если Ирландия смогла восстановить показатели к 2007 году, то следующие выборы во Франции собрали на участках всего 60,4 %. Рекордно низкий уровень участия был также зарегистрирован в 2008 году в Италии, в 2001 году в Норвегии, в 2002 году в Португалии и в 2000 году в Испании. Довольно близко к историческому минимуму явки подошла Греция в 2000-м, Швейцария в 2003-м, Австрия в 2006-м и Финляндия в 2007 году. Вопрос о причинах сохранения этой тенденции остается открытым, и мы к нему еще вернемся. Причиной может быть как смена поколений, так и унылость политической дискуссии. В данный момент наиболее важным наблюдением является однонаправленность и повсеместность снижения явки, которая становится отличным индикатором ослабления избирательного процесса.

Еще один способ увидеть картину целиком, возможно, покажется более убедительным. Показатели изменения явки несколько напоминают изменения климата: изменения не обязательно происходят скачкообразно и линейно. Более того, кому-то изменение уровня явки может показаться недостаточным для фиксации уклонения и отстранения. Как и в измерении климатических изменений, важность незначительной или неявной тенденции может быть недооценена или даже оспорена. Одним из способов, используемых климатологами для решения этой проблемы, является не фиксация тенденции как таковой, но исследование паттернов, заметных по времени и частоте пиковых значений. Это на самом деле довольно простой и интуитивно понятный подход к измерению. Так, например, Фил Джонс и Андерс Моберг (Jones and Moberg, 2003) привели четкие доказательства глобального потепления, отметив, что самым теплым десятилетием за последнее время стали 90-е годы XX века, а рекордно высокие температуры фиксировались сначала в 1998, а затем в 2001 году. Начиная с 1990 года температура воздуха восемь раз обновляла максимумы, хотя в отдельные годы (1992, 1993 и 1994) она была не намного выше, чем в конце 1970-х. Другими словами, паттерн обычно очевиден, даже если тенденция не является однонаправленной.

По этой причине степень изменения уровня явки – и других показателей массового политического поведения – часто недооценивается. Хотя тенденция к снижению уровня участия в выборах пока не просматривается явно, рекордно низкие уровни явки достигаются все чаще и во все большем числе стран. Как видно из табл. 1[а], в которой для каждой из пятнадцати европейских демократий приведены три года с наиболее низким уровнем явки, почти четыре пятых из них приходятся на последние два десятилетия. Другими словами, в 1990–2000-е годы рекордно низкой была не только средняя за десятилетие явка, но и явка по конкретным годам в подавляющем большинстве западноевропейских демократий. Два выделяющихся исключения – Дания и Швеция, где, похоже, по стечению обстоятельств самая низкая явка пришлась на 1950-е годы. Помимо этих случаев, исключением оказываются выборы с низкой явкой в 1960-х и 1970-х годах в Бельгии и два случая выборов с низкой явкой в 1980-х годах во Франции и Люксембурге. Оставшиеся 35 дат приходятся на 1990–2000-е годы. Другими словами, какими бы незначительными ни были сдвиги в общей явке, наблюдения раскладываются на несколько примечательных кластеров (см. табл. 2[б]). В самом деле, этот паттерн замечен также в новых южных европейских демократиях: три рекорда самой низкой явки в поставторитарной Греции пришлись на 1996, 2000 и 2007 годы, в Португалии – на 1999, 2002 и 2005 годы, в Испании – на 1989 и 2000 годы (третий рекорд был в 1979 году). Так же, как и в устойчивых демократиях, более поздние выборы в них соответствовали более низкой явке. Безусловно, там встречаются и тенденции, противоположные выделенной. Тем не менее общее направление изменений распознается безошибочно и свидетельствует об уклонении и отстранении граждан от политики⁸.

ТАБЛИЦА 1. Минимальная явка в Западной Европе, 1950–2009 гг.

а) Годы наиболее низкой явки б) Частота наиболее низких показателей явки, по десятилетиям

⁸ Сравнение выводов с американскими данными см. в: Paterson, 2002.

Австрия	1994, 1999, 2006
Бельгия	1968, 1974, 1999
Дания	1950, 1953 (i), 1953 (ii)
Финляндия	1991, 1999, 2007
Франция	1988, 2002, 2007
Германия	1990, 1994, 2005
Исландия	1999, 2007, 2009
Ирландия	1997, 2002, 2007
Италия	1996, 2001, 2008
Люксембург	1989, 1994, 1999
Нидерланды	1994, 1998, 2002
Норвегия	1993, 2001, 2005
Швеция	1952, 1956, 1958
Швейцария	1995, 1999, 2003
Великобритания	1997, 2001, 2005

	№	%
1950–1959	6	13,3
1960–1969	1	2,2
1970–1979	1	2,2
1980–1989	2	4,4
1990–1999	18	40,0
2000–2009	17	37,8

ТАБЛИЦА 2. Максимальная волатильность в Западной Европе, 1950–2009 гг.

а) Годы наибольшей волатильности б) Частота выборов с рекордно высокой волатильностью, по десятилетиям

Австрия	1994, 2002, 2008
Бельгия	1965, 1981, 2003
Дания	1973, 1975, 1977
Финляндия	1970, 1991, 1995
Франция	1955, 1958, 2002
Германия	1953, 1961, 1990
Исландия	1978, 1999, 2009
Ирландия	1951, 1987, 1992
Италия	1992, 1994, 2001
Люксембург	1954, 1984, 1989
Нидерланды	1994, 2002, 2006
Норвегия	1997, 2001, 2005
Швеция	1991, 1998, 2006
Швейцария	1991, 1999, 2003
Великобритания	1974(i), 1979, 1997

	№	%
1950–1959	5	11,1
1960–1969	2	4,4
1970–1979	7	15,6
1980–1989	4	8,8
1990–1999	15	33,3
2000–2009	12	26,7

Волатильность избирателей

Второй ключевой совокупный показатель относится к политическому участию и измеряет степень, в которой распределение партийных предпочтений остается последовательным и стабильным по времени. Те граждане, которые продолжают голосовать на выборах, сохраняют хотя бы незначительную связь с традиционной политикой. По мере затухания массового участия и роста безразличия можно ожидать, что даже те граждане, которые продолжают ходить на выборы, станут более волатильными, неопределенными и непоследовательными в выражении своих предпочтений. Если политика значит все меньше, то готовность голосовать и приверженность к конкретной партии так же теряет смысл. При выборе партии начинают играть роль непостоянные и краткосрочные факторы. На практике это означает, что результаты выборов могут оказаться более непредсказуемыми. Волатильность избирателей, вероятно, увеличится; новые партии и новые кандидаты, скорее всего, окажутся более успешными, чем традиционные объединения. Безразличие всегда сопровождается непоследовательностью.

Как и в паттернах политического участия, в течение последних лет в национальных партийных системах Западной Европы отмечались непредсказуемые изменения в структуре партийной поддержки. Но так же, как и в случае с явкой, эмпирические данные на агрегированном уровне, как правило, не могли подтвердить этот тренд. Таким образом, в то время как в партийных системах одних стран перетекание избирателей от одной партии к другой действительно возросло в 1970-х и 1980-х годах, в других, напротив, укрепилась партийная принадлежность, в результате чего уровень партийной лояльности в Европе в целом считался неизменным и стабильным (Bartolini and Mair, 1990). Многим наблюдателям, однако, такие выводы показались довольно странными, поскольку данные опросов начиная с 1970-х годов свидетельствовали в пользу оттока избирателей от партий, которым они ранее отдавали предпочтение, и трансформации исторических паттернов голосования (Dalton et al., 1983; Franklin et al., 1992). Однако, как оказалось, эти неоспоримые изменения на уровне индивидуального поведения не привели к соответствующим сдвигам в партийной системе в целом. Даже в конце 1980-х годов совокупная волатильность избирателей на общеевропейском уровне оставалась относительно слабой, в то время как многие традиционные партии, участвовавшие в выборах с 1950-х годов или даже раньше, продолжали оставаться серьезными соперниками в политической борьбе. Конечно, в электорате этих старых партий наблюдался некоторый отток в пользу новых образований, но даже к концу 1980-х годов им удалось привлечь поразительно высокое число голосов своих постоянных членов.

Это подтверждается средним уровнем совокупной волатильности избирателей в период с 1950-х до 1980-х годов. Для расчета мы использовали индекс, первоначально предложенный Могенсом Педерсеном (Pedersen, 1979) и рассчитывающий уровень волатильности путем простого суммирования (совокупных) процентов, полученных всеми партиями в данных выборах по сравнению с предыдущими, или, что то же самое, (совокупных) избирательных потерь всеми проигравшими партиями. Это, конечно, довольно сырой показатель, и он может недооценивать реальный уровень изменения предпочтений при голосовании, измеренный, к примеру, на индивидуальном уровне в ходе опросов. Однако как совокупная мера он легко вычисляется для всех выборов, в том числе давно прошедших, или там, где данные по индивидуальным предпочтениям либо отсутствуют, либо ненадежны. В любом случае при использовании индекса Педерсена мы видим, что вопреки многим ожиданиям уровень совокупной волатильности избирателей в пятнадцати старых европейских демократиях в 1950–1980-х годах почти не менялся: средний индекс по Западной Европе снизился с 7,9 % в 1950-х годах до 6,9 % в 1960-х, а затем вырос до 8,9 % в 1970-х и 1980-х. Вряд ли эти изменения можно назвать драматическими. Тем не менее средние значения скрывают существенные изменения в отдель-

ных партийных системах. Дания, Нидерланды и Норвегия проводили спокойные избирательные кампании в 1950-х, пережили электоральную нестабильность в 1970-х и вернулись к еще большей стабильности в 1980-х годах. Напротив, отток избирателей в послевоенных Франции и Германии был довольно высоким, после чего политические предпочтения стабилизировались в 1960-х и 1970-х годах. Другими словами, в то время как средний уровень совокупной волатильности избирателей в Западной Европе в целом оставался достаточно стабильным, на уровне отдельных стран динамика волатильности могла существенно различаться.

Но и здесь, как и в истории с явкой, в 1990-х годах картина предпочтений начала значительно и быстро меняться. В 1990-е годы индекс волатильности избирателей поднялся практически на 4 % по сравнению с 1970–1980-ми годами и достиг 12,6 % по Западной Европе в целом. Конечно, из этого следует не так много. По гипотетической шкале от 0 до 100, измеряющей средние значения волатильности за десятилетие, с минимумом в 2,5 % (Швейцария, 1950-е годы) и максимумом в 22,9 % (Италия, 1990-е годы), среднее значение 12,6 % скорее отражает (краткосрочную) стабильность партийных предпочтений. С другой стороны, в 1990-е годы впервые за пять послевоенных десятилетий средний показатель волатильности превысил 10 %, а изменения по сравнению с предыдущим десятилетием оказались самыми значительными.

Среднее значение волатильности по 1990-м годам также нужно рассмотреть в контексте национальной специфики. Во всех странах, кроме Дании, Франции, Германии и Люксембурга, в 1990-е годы были поставлены национальные рекорды по степени волатильности, которая в большинстве случаев превысила 10 % – 10,8 % в Бельгии, 11,0 % в Финляндии, 13,7 % в Исландии, 11,7 % в Ирландии, 22,9 % в Италии, 19,1 % в Нидерландах, 15,8 % в Норвегии и 13,8 % в Швеции. Волатильность на всех национальных выборах, состоявшихся в 1990-х годах, превысила 10 % в двух случаях из трех. Подобный отток избирателей стал беспрецедентным за все послевоенные годы и снова показал, что голосование в конце века подчиняется несколько иной логике.

Кроме того, и снова в соответствии с динамикой явки, новые тенденции сохранились и в XXI веке. Италия в 2001 году, а также Австрия и Нидерланды в 2002-м побили собственные рекорды по волатильности избирателей. Франция, Норвегия и Швеция, хотя и не преодолели собственных исторических максимумов, показали самые высокие уровни волатильности на первых выборах XXI века. В целом, как видно из табл. 2, подавляющее большинство самых нестабильных национальных выборов произошли за последние два десятилетия. Опять же подход, заимствованный нами у климатологов, показывает сходство динамики волатильности избирателей с динамикой явки в 1990-е годы. Во втором случае, однако, картина не столь односторонняя: волатильность неизбежно оказывается более неустойчивой, чем явка, будучи зависимой от политических кризисов и институциональных и социально-структурных изменений (Bartolini and Mair, 1990: 253–308). Тем не менее в 60 % случаев рекордные показатели волатильности избирателей в национальной истории приходятся именно на период 1990-х годов (одна треть на 1990-е годы, две трети – на 2000-е), ни в одном другом десятилетии подобных результатов не наблюдалось. Действительно, никогда прежде волатильность избирателей не превышала национальных максимумов с такой частотой. Повторюсь, чем позднее проходили выборы, тем более непредсказуемыми были их результаты.

Таким образом, несмотря на довольно высокие показатели общеевропейской явки, начиная с 1990 года количество избирателей неизменно уменьшалось; при этом предпочтения тех, кто все-таки пришел на выборы, начинали активно меняться⁹. И в 1990-х годах каждый из

⁹ Это противоречит, например, поведению американских избирателей, описанному Беннеттом: Bennett, 1998: 745. По его словам, даже в условиях падения интереса к конвенциональным формам политического участия, «те, кто продолжает ходить на выборы, показывают стабильность и лояльность в политическом выборе, политических взглядах и способах обсуждения политики». Судя по западноевропейским данным, эта связь работает не всегда.

этих показателей не только превысил послевоенные экстремумы (будь то минимумы явки или максимумы волатильности) в Западной Европе в целом, но и в большинстве отдельных стран. Минимумы политического участия и максимумы волатильности избирателей были неоднократно обновлены с 1990 года почти во всех старых европейских демократиях. Исключением стал Люксембург, у которого при низкой явке наблюдалась умеренная волатильность; Швеция, которая при высокой волатильности не всегда демонстрировала низкую явку; Дания, которая за два десятилетия не показала ни одного нестандартного значения. Помимо этих случаев, картина голосования с 1990 года поражает своей целостностью и последовательностью. По всей Западной Европе граждане, если они не воздерживаются от участия в выборах, голосуют, изменяя свои устойчивые партийные предпочтения. Опираясь на эти данные, мы можем зафиксировать в Европе процесс политического отстранения.

Лояльность партиям

Данные, полученные на индивидуальном уровне, подтверждают наши выводы еще яснее. Как показывают электоральные исследования и политические опросы, довольно часто существенные сдвиги, выявляющиеся в агрегированных данных по явке и волатильности, тесно связаны индивидуальным опытом и переживаниями. В блестящей работе Далтона и Ваттенберга «Партии без членов» (Dalton and Wattenberg, 2000) представлен и проанализирован впечатляющий массив подобных данных, доказывающий, как поразительно взаимосвязаны и широко распространены наблюдаемые нами тенденции. Одним из ключевых показателей, выявленных в результате опросов, стала степень, в которой отдельные избиратели испытывают чувство принадлежности или лояльности к политической партии; иначе говоря, степень, в которой их самоидентификация зависит от партийной принадлежности. Согласно данным Далтона и Ваттенберга, степень лояльности партиям снижается в семнадцати из девятнадцати исследуемых стран, включая ряд некоторых неевропейских государств. За исключением Бельгии и Дании, процент избирателей, отождествлявших себя с какой-либо партией, резко уменьшился за последние два десятилетия (табл. 3). Еще более поразительно то, что число избирателей, которые испытывали очень сильное чувство принадлежности к партии, также резко снизилось, причем в каждой из анализируемых стран. Как отмечает Далтон, удивительны как сами масштабы снижения, так и распространенность его в тех странах, по которым удалось собрать данные. По-видимому, происходящее не является случайным следствием стечения обстоятельств, и, как и в случае с многими другими данными, рассмотренными в этой главе, «наличие схожих тенденций в таком большом числе стран требует от нас выхода за рамки примитивных и узкоспециализированных объяснений... Опросы общественного мнения практически никогда не бывают настолько схожими в разных странах, а значит, мы имеем дело с глубинными и радикальными изменениями» (Dalton, 2000: 29).

Далтон и его коллеги собрали дополнительные данные, иллюстрирующие фундаментальность процесса. Например, избиратели из Австралии, Канады, Германии, Швеции и США все чаще голосовали разрозненно (*split-ticket voting*), выбирая во время единого дня голосования на выборах разных уровней кандидатов от разных партий, а не от одной и той же. Очевидно, что лояльный избиратель, имеющий сильную партийную лояльность, проголосовал бы за свою партию на выборах всех уровней (например, голосуя за кандидата от демократов, начиная с выборов в муниципальный совет округа или штата и заканчивая выборами президента США). Слабая партийная лояльность, отстраненность от политики и разрозненное голосование в целом представляют собой довольно беспечное избирательное поведение. Избиратели все реже готовы или способны заранее решать, за кого они будут голосовать, предпочитая без особого интереса наблюдать за кампанией вплоть до дня голосования. Эта картина становится все более распространенной (исключение составляет только Дания), и практически любое политологическое предвыборное исследование фиксирует существенное увеличение числа избирателей, определившихся с выбором либо в самом конце кампании, либо в канун выборов. Опять же это означает отсутствие долгосрочных обязательств со стороны избирателей по отношению к партиям и отстранение от участия в политической жизни. Неудивительно, что эти избиратели также гораздо менее склонны к участию в агитационной деятельности, посещению политических собраний, работе на партию или кандидата, убеждению окружающих голосовать и делать денежные пожертвования. Судя по доступным данным опросов, почти во всех странах подобные виды деятельности пользуются все меньшей поддержкой у избирателей: отдельные граждане все реже желают принимать участие в кампании и брать на себя дополнительные обязательства – многим из них удобнее быть просто зрителями в театре традиционной политики.

ТАБЛИЦА 3. Тенденции партийной идентификации в Западной Европе, 1960–1990 гг. (среднегодовое изменение, %)

Страна	Избиратели, идентифицирующие себя с какой-либо партией	Избиратели, имеющие прочную идентификацию с партией
Австрия	-0,916	-0,663
Бельгия	+0,090	-0,285
Великобритания	-0,202	-0,882
Дания	+0,001	-0,207
Финляндия	-0,293	-0,147
Франция	-0,712	-0,329
Исландия	-0,675	-0,250
Ирландия	-1,510	-0,767
Италия	-0,979	-0,770
Люксембург	-0,317	-0,316
Нидерланды	-0,329	-0,129
Норвегия	-0,542	-0,450
Швеция	-0,733	-0,543

Источник: Dalton, 2004: 33 на основе данных Евроба рометра и национальной электро-
ральной статистики.

Партийность

Граждане также явно демонстрируют нежелание брать на себя ответственность и обязательства, связанные с членством в партийных организациях. Здесь также примечательно не только снижение общего числа членов партий в течение долгого времени, но и степень, в которой это снижение проходит во всех устойчивых демократиях (Van Biezen et al., 2009). Хотя эта динамика проявляется здесь более выражено, чем в случае с изменением уровня явки или волатильностью избирателей, данные по партийному членству имеют тенденцию к более убедительному повторению, чем данные об обычном участии. Другими словами, до 1980-х годов динамика числа партийных членов была довольно неоднозначной и спорной. С 1990-х годов, напротив, тенденция приняла явный и, вероятно, необратимый характер.

В первом крупном исследовании, проведенном Кацем и Майром (Katz, Mair et al., 1992) на агрегированных данных официальной статистики, было рассмотрено большинство европейских государств с начала 1960-х до конца 1980-х годов. Это исследование показало, что формально доля партийцев в соответствующем национальном электорате несколько уменьшилась (везде, кроме Бельгии и Западной Германии), поскольку общая численность электората увеличилась за счет роста рождаемости; в результате абсолютное число партийных членов в исследуемый период оставалось практически неизменным. Действительно, к концу 1980-х годов численность членов партий выросла в абсолютном выражении в Бельгии, Западной Германии, Швеции, Норвегии и Италии и уменьшилась – как в абсолютном, так и в относительном выражении – в Финляндии, Нидерландах, Австрии, Дании и Великобритании. Из-за противоречивости эмпирических данных мы в свое время решили, что слухи о крахе партийной системы несколько преувеличены (Katz, Mair et al., 1992: 332). Этот вывод был подтвержден исследованием партийных предпочтений на индивидуальном уровне, где была обработана большая часть доступных на тот момент социологических данных (Widfeldt, 1995), и данными *World Values Survey* с начала 1980-х по начало 1990-х. Исследования начала 1990-х годов демонстрировали, что партийность остается на одном и том же уровне или даже устойчиво растет, как в случае Финляндии, Исландии, Нидерландов, Бельгии, Норвегии, Великобритании и Франции. В этих странах практически не наблюдалось доказательств «растущего разочарования в партийной политике» (Norris, 2002: 134, 135). Напротив, данные показывали, что политическая вовлеченность увеличивается.

Однако в конце 1990-х годов ситуация стала менее оптимистичной. К тому времени данные, получаемые на агрегированном уровне, уже не оставляли разночтений в анализе социологических опросов. Первая реальная проверка новых паттернов партийности описана в работе Майра и ван Бейзена (Mair and van Biezen, 2001). Она основывалась на анализе данных по тринадцати устойчивым европейским демократиям, а также ряду новых демократий. В каждой из устойчивых демократий соотношение партийных членов к электорату в период с начала 1980-х и до конца 1990-х годов в целом заметно снизилось (см. также: Scarrow [in Dalton], 2002: 86–95), то есть ни в одном из этих случаев уровень партийного членства не остался прежним, не говоря уже о том, чтобы вырасти. Агрегированные данные поистине поражают: в 1980 году в среднем 9,8 % избирателей в тринадцати стабильных демократиях состояли в партии, а к концу 1990-х этот показатель снизился до 5,7 %. Если проследить разницу по доступным для десяти устойчивых демократий данным еще глубже, то окажется, что в начале 1960-х во всех десяти странах среднее число членов партии составляло 14 %, а в большинстве – шести из десяти стран – этот показатель был выше 10 %. Другими словами, каждый десятый (или даже более) избиратель был членом политической партии. В конце 1990-х число стран, касательно которых можно было найти достоверные данные по партийному членству, увеличилось до двадцати. В них вошли как некоторые старые демократии, так и новые. Во всех двадцати средний

коэффициент членства составлял всего 5 %, немногим более трети от уровня, зафиксированного в начале 1960-х, и из этих двадцати стран только в одной – Австрии – уровень партийного членства превысил 10 %¹⁰

¹⁰ Подобные тенденции проявляются и в развитых демократиях за пределами Европы. В Австралии в 1967 году в партиях состояло 251 000 избирателей, то есть 4,1 % электората. В 1997 году число упало до 231 000, что эквивалентно 1,9 % от возросшего по численности электората – см. подробнее: McAllister, 2002: 389–390. В Канаде наблюдался спад партийного членства с 462 000 в 1987 году до 372 000 в 1994-м, или с 2,6 до 1,9 % электората – см.: Carty, 2002: 355. В Новой Зеландии спад с 272 000 (12,5 %) в 1981 году дошел до 133 000 (4,8 %) в 1999-м – см.: Vowles, 2002: 416–419.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.